

УДК 342.61
ББК 67.400.61

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ КОНТРОЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТИПОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Д. Н. Чернятьев

Главный федеральный инспектор по Челябинской области

Аннотация: Статья посвящена разработке доктринальной модели контрольной власти Президента Российской Федерации на метатеоретическом уровне, позволяющем преодолеть ограниченность классических объяснительных схем разделения властей применительно к российскому президентству. Анализируется онтологическая специфика президентского контроля как конституционно-правового института, находящегося на пересечении права, политики и управленческих практик. Автор предлагает типологию основных доктринальных подходов к контрольной власти Президента РФ, показывая их эвристический потенциал и предельные методологические ограничения. Особое внимание уделяется конституционной реформе 2020 года как рубежному моменту конституционализации ранее латентных механизмов президентского контроля и перехода к модели явной концентрации политической ответственности в руках главы государства. Вводится концепт гибридного контроля, раскрывающий многоуровневую систему механизмов президентского воздействия, обеспечивающих структурную амбивалентность президентской власти, одновременно соответствующей принципу разделения властей де-юре и обеспечивающей концентрацию контроля де-факто. Синтез названных подходов позволяет автору конструировать целостную аналитическую модель контрольной власти президента, что придает исследованию существенное методологическое значение для дальнейшего развития теории конституционной идентичности российского государственного управления.

Ключевые слова: президентский контроль; конституционная модель разделения властей; концентрация политической ответственности; контрольные полномочия; функционально-институциональный подход; конституционная идентичность.

DOCTRINAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE CONTROL POWER OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: TYPOLOGY AND METHODOLOGICAL SIGNIFICANCE

D. N. Chernyatsev

Chief Federal Inspector for the Chelyabinsk Region, postgraduate student in the Department of Constitutional and Administrative Law at the Law Institute of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "South Ural State University (National Research University)" (Chelyabinsk, Russia)

Annotation: The article is devoted to the development of a doctrinal model of the controlling power of the President of the Russian Federation at a metatheoretical level, which makes it possible to overcome the limitations of classical explanatory schemes of the separation of powers as applied to the Russian presidency. The ontological specificity of presidential control is analysed as a constitutional and legal institution situated at the intersection of law, politics and governance practices. The author proposes

a typology of the main doctrinal approaches to the controlling power of the President of the Russian Federation, demonstrating both their heuristic potential and their methodological limits. Particular attention is paid to the 2020 constitutional reform as a watershed moment in the constitutionalisation of previously latent mechanisms of presidential control and the transition to a model of explicit concentration of political responsibility in the hands of the head of state. The concept of hybrid control is introduced, revealing a multilevel system of mechanisms of presidential influence that ensures the structural ambivalence of presidential power, which de jure complies with the principle of separation of powers while de facto providing for the concentration of control. The synthesis of these approaches enables the author to construct a holistic analytical model of the controlling power of the President, thereby conferring significant methodological relevance on the research for the further development of the theory of constitutional identity of Russian public governance.

Keywords: presidential control; constitutional model of separation of powers; concentration of political responsibility; control powers; functional-institutional approach; constitutional identity.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)3.11](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)3.11)

В современных условиях трансформации российской государственности и эволюции института президентства особую актуальность приобретает переосмысление природы и пределов контрольной власти Президента Российской Федерации.

Метатеоретический уровень исследования как уровень исследования, направленный на разработку проблем использования в познании государства и права философского, общих, специальных и частных методов [1, с. 449], позволяет фиксировать недостаточность классических объяснительных моделей в анализе института российского президентства. Основная познавательная трудность заключается в выявлении внутренних сущностных признаков контрольной власти, которые в современных условиях не укладываются в линейную логику классической триады разделения властей. Проводимое исследование предполагает рефлексию относительно онтологических, гносеологических и методических оснований анализа контрольной власти как конституционно-правового института, находящегося на пересечении конституционного права, теории государства и политической науки. Методология диссертационного исследования контрольных полномочий Президента России, по нашему мнению, требует интеграции четырех доктринальных подходов, каждый из которых раскрывает специфический аспект феномена президентского контроля: классической доктрины разделения властей; концепции «суперпрезидентства»; функционально-институционального подхода и концепции гибридного контроля.

Методологическое обоснование исследования представляет собой не формальное перечисление и разбор применяемых методов, а выстраивание целостной познавательной стратегии, способной адекватно отразить природу изучаемого явления. Принимая в качестве отправной точки системное изложение теории права В. М. Сырых, который первым в российской юриспруденции представил ее как единство трех взаимосвязанных компонентов: догмы права, социологии права и методологии (философии) права [2, с. 502; 3, с. 330], предлагаем следующую структуру методологической стратегии настоящего исследования: формально-юридический анализ контрольных полномочий президента (догматический компонент) дополняется изучением практики их реализации (социологический компонент) и философско-правовым осмыслением их природы и ценностных оснований (методологический компонент).

Типология доктринальных подходов к исследованию контрольной власти Президента Российской Федерации.

Научное осмысление контрольных полномочий Президента Российской Федерации характеризуется концептуальным плюрализмом, отражающим сложность и многомерность исследуемого феномена. Систематизация доктринальных подходов позволяет выделить четыре основных концепции, каждая из которых предлагает специфическую интерпретацию природы, содержания и пределов пре-

зидентского контроля. Обобщение существующих концепций выступает необходимым методологическим этапом, предшествующим формированию собственной исследовательской позиции.

Классическая доктрина разделения властей, теоретические основы которой были заложены Дж. Локком [4, с. 137–140] и Ш.А. Монтескье [5, с. 145–147], в отечественной конституционно-правовой науке нашла последовательное развитие в трудах М.В. Баглая [6, с. 125–140], О.Е. Кутафина [7, с. 156–189] и С.А. Авакьяна [8, с. 8–13]. В рамках данного подхода контрольные полномочия Президента России интерпретируются через призму статуса главы государства как координатора и арбитра, находящегося вне традиционной триады властей и обеспечивающего их согласованное функционирование без прямого административного контроля. Вместе с тем позиция С.А. Авакьяна занимает особое место в доктринальном осмыслении президентской власти: ученый еще в 2005 году квалифицировал российскую форму правления как «суперпрезидентскую» республику, однако, в отличие от критиков данной концепции, считает такую форму правления оправданной, называя ее «... суперпрезидентской, потому что позиции президента в России чрезвычайно сильны, и считаю эту форму правления оправданной, потому что без сильной президентской власти в нашем государстве очень сложно обходиться» [9, с. 11].

Теоретико-правовым основанием данной концепции служит статья 10 Конституции РФ, закрепляющая принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную при самостоятельности органов каждой ветви. Президент в этой парадигме выступает институциональным механизмом обеспечения баланса властей, гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина, обеспечивающим согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (часть 2 статьи 80 Конституции РФ). Контрольные полномочия не рассматриваются как самостоятельная властная функция, а представляют собой инструменты координации и арбитража: право отменять постановления и распоряжения Правительства РФ при их противоречии Конституции и федеральным законам (часть 3 статьи 115 Конституции РФ); приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов РФ до решения вопроса судом (часть 2 статьи 85 Конституции РФ); проводить согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти.

Классическая доктрина исходит из ограничительного понимания контрольных полномочий: президент не вправе подменять функции и полномочия других органов, его указы и распоряжения не должны противоречить Конституции и федеральным законам, а компетенция определять конституционность актов принадлежит Конституционному Суду РФ [10]. Критическое ограничение классической доктрины состоит в неспособности объяснить расхождение между конституционным текстом, дистанцирующим президента от ветвей власти, и конституционной практикой, демонстрирующей фактическое доминирование президента в системе власти.

Концепция «суперпрезидентства», разрабатываемая А.А. Кондрашевым [11, с. 36], М.А. Красновым [12, с. 23–67], У. Партлеттом [13, с. 125–130], К.М. Худолеем [14, с. 167–170], предлагает радикально иную интерпретацию, рассматривая российскую модель как особую форму правления, где президент фактически возвышается над системой разделения властей, обладая исключительными неограниченными полномочиями, реализуемыми единолично. «Суперпрезидентская» республика определяется как система государственного управления, основной чертой которой является гипертрофированная, неконтролируемая президентская власть при наличии внешних атрибутов демократии. Она диагностирует дисбаланс системы, где президент, обладая такими полномочиями, возвышается над системой разделения властей. Ключевые признаки «суперпрезидентства», по мнению указанных ученых, включают концентрацию ресурсов, прямое подчинение силового блока и активное указное нормотворчество. Контрольные полномочия в концепции «суперпрезидентства» интерпретируются не как инструменты координации, а как механизмы прямого управления.

Концепция «суперпрезидентства» обретает наибольшую методологическую ценность при анализе конституционной реформы 2020 года, которая трансформировала латентные властные практики в конституционные нормы, устранив разрыв между фактической реальностью и нормативным регулированием. До реформы 2020 года Президент РФ де-факто руководил исполнительной властью, но Конституция России официально отводила ему роль арбитра, лишь определяющего основные на-

правления политики. Контроль при этом осуществлялся через неформальные каналы, «скрытые полномочия» и административный ресурс. Разрыв между нормой и реальностью был фундаментальным. Такое состояние порождало острую гносеологическую проблему: разрыв между конституционным текстом, определяющим статус президента, и реальной архитектурой исполнительной власти, что требовало постоянного развития и коррекции доктринальных конструкций.

После 2020 года эта управленческая модель получила прямое конституционное оформление. Формулировка «общее руководство» (ч. 1 ст. 110 Конституции РФ) трансформировала скрытую практику «делового оборота» в норму. Президент утратил фикцию дистанцированного арбитра и официально стал главой исполнительной вертикали.

Эвристическая ценность данного конституционного переходного момента раскрывается в выявлении трех взаимосвязанных структурных трансформаций:

1. Осуществлена конституционализация скрытых полномочий, в результате которых президентский контроль трансформировался из исключительного механизма, реализуемого через интерпретационные «лазейки» конституционного текста, в центральную управленческую функцию. Параконституционные практики были переведены в разряд явных конституционных норм, достигнув полной юридической определенности.

2. Произошла трансформация модели осуществления контроля. Контрольная функция утратила характер периодического стратегического касания (воздействия) и приобрела характер постоянного оперативного управления. Указанная метаморфоза отражает суверенный конституционный выбор в пользу модели концентрированной политической ответственности, обеспечивающей системное единство и оперативность государственного курса. С этого момента концепция «суперпрезидентства» фактически утратила смысл

3. Выбран курс на интеграцию органов исполнительной власти. Администрация президента утратила статус параллельной структуры и трансформировалась в центр управления единой исполнительной вертикалью. В результате контроль переквалифицировался из внешнего корректирующего воздействия в имманентный управленческий процесс, органически встроенный в структуру исполнительной власти.

Таким образом, конституционная реформа 2020 года позволяет диагностировать онтологический сдвиг в природе российского конституционализма — переход от архаичной модели «суперпрезидентства» к модели явной, честной и юридически ясной концентрации политической ответственности в руках главы государства.

Это отражает суверенный выбор России в пользу модели концентрированной ответственности, при которой высшие государственные решения остаются под непосредственным контролем и авторством главы государства, обеспечивая оперативность и единство курса в условиях геополитических вызовов и многоуровневого государственного построения.

Функционально-институциональный подход, развиваемый А. М. Тарасовым [15, с. 405–415], В. Е. Чиркиным [16, с. 100–110], Н. Н. Косаренко [17, с. 250–260], рассматривает президентский контроль как сквозную функцию государства, реализуемую через специализированные институты и механизмы. В отличие от классической доктрины, фокусирующейся на конституционно-правовом статусе президента, и концепции «суперпрезидентства», акцентирующей концентрацию власти, функционально-институциональный подход смещает аналитический фокус на организационные формы и процедуры осуществления контроля.

Методологическое значение функционально-институционального подхода состоит в детальном анализе механизмов реализации контроля, эмпирическом исследовании деятельности контрольных институтов и разработке критериев оценки их эффективности. Так, Указ Президента РФ от 28.11.2024 № 1014 [18] систематизирует показатели оценки деятельности высших должностных лиц субъектов РФ, операционализируя президентский контроль через измеримые параметры. Однако, методологическое ограничение подхода обусловлено его эпистемологической природой: сфокусированность на формальных институтах и процедурах систематически исключает из поля анализа латентные властные отношения, как то: межличностное доверие между органами государственной власти различных уровней, авторитет высшего должностного лица, внеписанные нормы управленческого взаимодей-

ствия. Эти механизмы, составляющие существенную часть контрольной функции в практике государственного управления, не поддаются операционализации и остаются в «слепой» зоне.

Практическое значение этого ограничения раскрывается при анализе механизмов воздействия контроля на поведение должностных лиц. Хотя вышеупомянутый Указ Президента РФ № 1014 [18] устанавливает формализованные показатели эффективности (рождаемость, инвестиции, ВРП, занятость), политическая практика демонстрирует, что реальное функционирование системы контроля предполагает трансляцию управленческих ожиданий также через неформальные каналы коммуникации. Например, через систему рейтингования губернаторов. Формально губернаторы оцениваются по 15 объективным показателям, однако дифференцированное применение санкций (у одного губернатора снижение показателя ведет к отставке, у другого — нет) свидетельствует об иерархии приоритетов, не всегда совпадающих с опубликованной системой показателей. Таким образом, контроль реализуется не только через явные институциональные каналы и формальные критерии, но и через процессы интерпретации должностными лицами логики кадровых решений и адаптации своего поведения к выявленным через практику управленческим приоритетам.

Концепция гибридного контроля представляет собой синтетический подход, интегрирующий юридический, политологический и социологический анализ для объяснения специфики российской модели как сочетания формальной координации с фактическим контролем через неформальные механизмы влияния. Теоретическим основанием концепции служит доктрина гибридных политических режимов, разработанная Г. О'Доннелом [19], А. Шедлером [20], С. Левицки и Луканом А. Уэем [21, с. 55–64], характеризующихся одновременным присутствием демократических институтов и авторитарных практик.

Применительно к контрольным полномочиям Президента РФ гибридность проявляется в парадоксальном сочетании нескольких уровней контроля, функционирующих одновременно и взаимно дополняющих друг друга:

1) *Формальный институциональный контроль*, который включает официальные процедуры, закрепленные в законодательстве и подзаконных актах: издание указов, отмена нормативных актов правительства (ч. 3 ст. 115 Конституции РФ), приостановление действия актов органов исполнительной власти субъектов РФ (ч. 2 ст. 85 Конституции РФ), руководство деятельностью полномочных представителей президента в федеральных округах. Этот уровень поддается формализации, регламентации, эмпирическому изучению и включает все структуры, видимые функционально-институциональному подходу.

2) *Контроль через кадровые решения*. Система досрочного прекращения полномочий высших должностных лиц субъектов РФ хотя и имеет конституционное основание (ст. 84 Конституции РФ), функционирует в условиях неопубликованных критериев отбора. Аналогичным образом функционирует система отбора и назначения Президентом РФ руководителей силовых структур и судей.

3) *Контроль посредством формирования норм управленческого поведения*. Досрочное прекращение полномочий должностного лица субъекта Российской Федерации выполняет двойственную функцию: являясь результатом применения конституционного полномочия Президента РФ (ст. 84 Конституции РФ), оно одновременно служит механизмом трансляции неписаных норм управленческой деятельности в иные органы исполнительной власти. Указанный уровень контроля функционирует как неписаный нормативный механизм, не восполняемый через операционализацию показателей эффективности, но определяющий фактическое содержание управленческого поведения и тем самым опосредованно влияющий на результативность функционирования системы публичной власти.

4) *Контрольные механизмы, действующие вне рамок прямого конституционного регулирования*. На этом уровне функционируют институты и практики, правовой статус которых не определен непосредственно в Конституции РФ, но получил признание в практике органов публичной власти и в судебных решениях Конституционного Суда РФ. К формам такого контроля можно отнести следующее:

Поручение и указание Президента РФ представляют собой акты главы государства, не предусмотренные ст. 90 Конституции РФ в качестве самостоятельной формы нормативного или ненормативного акта, однако порядок их исполнения прямо регламентирован Указом Президента РФ от 28.03.2011 № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнений поручений и указаний Президен-

та Российской Федерации» [22], что, по нашему мнению, указывает на ненормативный характер этих актов. Юридический статус поручения и указания характеризуется двойственностью — формально оно не обладает нормативным характером, поскольку адресовано конкретному должностному лицу (лицам) и (или) органу власти, однако его неисполнение влечет применение к должностным лицам исполнительной вертикали мер дисциплинарного воздействия, включая досрочное прекращение полномочий. Таким образом, поручение функционирует в пространстве между ненормативным актом управления и фактической нормой, обязательной для исполнения.

Механизм персонального управления предполагает осуществление Президентом РФ полномочий, относящихся к его компетенции, в формах и порядке, не регламентированных нормативными правовыми актами. Соответствующие решения могут приниматься в ходе совещаний при президенте, заседаниях Госсовета и его органов под председательством президента, в ходе личных встреч с должностными лицами, трудовыми коллективами или политическими партиями, или иным способом (например, «прямых линий с президентом»), при этом документирование таких решений не является обязательным и определяется по усмотрению президента. Указанный механизм опирается на конституционное положение (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ) об обеспечении согласованного функционирования органов публичной власти, интерпретируемое как предоставляющее президенту возможность прямого воздействия на органы исполнительной власти.

Система курирования органов исполнительной власти субъектов РФ функционирует параллельно с институтом полномочных представителей президента, предусмотренным Указом Президента РФ от 13.05.2000 № 849 [23]. Члены администрации Президента РФ осуществляют координацию и контроль деятельности отдельных органов исполнительной власти на предмет соответствия приоритетам политики Президента России, при этом полномочия и процедуры взаимодействия кураторов с официальными структурами не закреплены в нормативных правовых актах. Система достаточно гибкая, позволяющая уполномоченным должностным лицам в ряде случаев выбирать способы исполнения решений президента самостоятельно, опираясь на имеющиеся возможности и полномочия, например, главы субъектов могут использовать для этого как резервы бюджетов, так и получение федеральных средств в рамках реализации государственных программ.

Ценность концепции гибридного контроля состоит в раскрытии механизма взаимного усиления четырех уровней контроля, функционирующих в едином поле государственного управления. Эти уровни не являются конкурирующими или взаимоисключающими; напротив, их интеграция обеспечивает целостность и полноту охвата контрольной функции.

Концепция гибридного контроля позволяет преодолеть методологические пределы функционально-институционального подхода, сохраняя его аналитическую ценность. Она позволяет установить, что:

- 1) Контрольная власть президента функционирует одновременно как система нормативно определенных полномочий (система правил) и как система неписаных критериев управленческого поведения (система норм, передаваемых через практику, либо предписанных ненормативными актами).
- 2) Действенность контроля обеспечивается не только формальной четкостью процедур и критериев, но и наличием многоуровневой системы воздействия, которая снижает возможность обхода отдельных механизмов контроля через использование альтернативных каналов влияния.
- 3) Конституционная идентичность (суверенитет) Российской Федерации находит выражение не только в текстуальном содержании Конституции, но и в исторически сложившихся практиках государственного управления, передаваемых через систему неписаных норм и ожиданий.

Подводя итог проведенному доктринальному обзору, следует отметить, что поправки к Конституции РФ 2020 года, дополнившие ч. 1 ст. 110 Конституции РФ формулировкой об осуществлении исполнительной власти правительством «под общим руководством Президента Российской Федерации», явились поворотной точкой в конституционной архитектуре системы президентского контроля. Данная норма трансформировала управленческую модель, которая ранее функционировала через неявное сочетание четырех уровней контроля, в явное конституционное основание. Вместе с тем реформа не устранила, а переформатировала три нижних уровня системы (полуформальный контроль, латентные управленческие ожидания, параконституционные механизмы), которые продолжают функ-

ционировать как дополнительные механизмы, обеспечивающие полноту охвата контрольной функции и ее устойчивость к различным динамикам государственного развития, позволяя принимать быстрые управленческие решения в условиях постоянно меняющейся ситуации.

Синтез функционально-институционального подхода, концепции гибридного контроля и теории конституционной идентичности позволяет перейти от критики методологических ограничений отдельных подходов к конструированию целостной аналитической модели контрольной власти президента. При таком синтетическом подходе контрольная власть предстает не как механическая совокупность формальных процедур и неформальных практик, а как органически интегрированная система президентского контроля, в которой:

- формальные полномочия, закрепленные в Конституции и законах, обретают практическую действенность благодаря встраиванию в многоуровневый механизм кадрового и административного воздействия;

- неформальные практики и внеписанные критерии управленческого поведения приобретают легитимность через их корреляцию с формализованными показателями эффективности и конституционными основаниями;

- система контроля демонстрирует свойство структурной амбивалентности: она одновременно явна (в своих конституционных и законодательных основаниях) и скрыта (в многообразии механизмов реализации), де-юре соответствует принципам разделения властей и де-факто обеспечивает концентрацию политической ответственности в руках главы государства, поддается эмпирическому измерению (через KPI и статистику) и неизмеряема (в своих латентных уровнях).

Таким образом, конституционная идентичность российской системы государственного управления выражается не только в текстуальном содержании Конституции России, но и в способности системы функционировать как единое целое, интегрирующее норму и практику, право и политику, явное и скрытое. Реформа 2020 года ускорила процесс конституционализации этой интегрированной модели, переведя ее скрытые основания в разряд явных конституционных норм, при этом не упразднив, а переструктурировав механизмы, обеспечивающие ее целостность и адаптивность, что является основой для дальнейшего развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. 512 с.
2. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов. 6е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО Юстицинформ, 2012. 704 с.
3. Сырых В. М. Социология права: учебник. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ. 2012. 472 с.
4. Локк Дж. Два трактата о правлении. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 137–405.
5. Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. с фр. А. В. Матешук. М.: Мысль, 1999. С. 137–168.
6. Баглай М. В. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: роль, порядок выборов, полномочия. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 143 с.
7. Кутафин О. Е. Глава государства. М.: Проспект, 2012. С. 156–189.
8. Авакьян С. А. Президент Российской Федерации: эволюция конституционно-правового статуса // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 1998. № 1. С. 8–40.
9. Авакьян С. А. Слово «власть» не должно пугать: интервью // Закон. 2020. № 12. С. 8–16.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3424.
11. Кондрашев А. А. Суперпрезидентская республика в России: Миф или реальность? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 6 (46). С. 35–42.
12. Краснов М. А. Российская система власти: треугольник с одним углом / М. А. Краснов, И. Г. Шаблинский. Москва: Ин-т права и публичной политики, 2008. 231 с.
13. Partlett W. Post-Soviet Super-Presidentialism // Constitutional Studies. 2019. Vol. 4. P. 123–156.

14. Худолей К. М. Закрепление суперпрезидентской республики в Конституции Российской Федерации // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юридической науки: общегосударственный и региональный аспекты. 2015. № 1. С. 166–175.
15. Тарасов А. М. Президентский контроль = President control: понятие и система: учеб. пособие для преподавателей, курсантов и слушателей образоват. учреждений МВД России юрид. профиля. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 642 с.
16. Чиркин В. Е. Контрольная власть: монография. Москва: Юристъ, 2008. 214 с.
17. Косаренко Н. Н. Система государственного контроля в Российской Федерации: монография. Москва: Нац. ин-т бизнеса, 2008. 287 с.
18. Указ Президента РФ от 28.11.2024. № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 49 (Часть V). Ст. 7576.
19. О’Доннел Г. Делегативная демократия // Библиотека Гумер. URL: <https://www.gumer.info/> (дата обращения 02.02.2026).
20. Schedler A. Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition. Boulder: Lynne Rienner, 2006. URL: http://works.bepress.com/andreas_schedler/9/ (дата обращения 02.02.2026).
21. Levitsky S. The Rise of Competitive Authoritarianism / S. Levitsky, L.A. Way // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. №. 2. P. 51–65.
22. Указ Президента РФ от 28 марта 2011 г. № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 14. Ст. 1880.
23. Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 2000. № 20. Ст. 2112.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Чернятьев Денис Николаевич, Главный федеральный инспектор по Челябинской области, соискатель кафедры «Конституционное и административное право» Юридического института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (Челябинск, Россия), 454020, Челябинская обл., г. Челябинск, ул. Кирова, 114, каб. 207, email: d. xxx1974@yandex.ru, тел.: 89174042021.